

текущее, математическое время, а скорее «творческая длительность» (*durée*) Бергсона. В этом, между прочим, один из контрастов между Марселем Прустом и Достоевским. У Пруста время сознательно замедлено, поскольку французский писатель занят «поисками утраченного времени». У Достоевского же замедленным бывает, повторяем, лишь начало действия, — в контраст бешеному развороту событий и душевных катаклизмов к концу.

Само пространство у Достоевского — скорее «кривое» пространство Лобачевского, чем классическое пространство Евклида. В пространстве Евклида параллельные линии никогда не сходятся, в то время как у Достоевского — слишком много невероятных совпадений (аналогично «схождению» прямых линий у Лобачевского). Эти совпадения мало вероятны в бытовом смысле, но у Достоевского они тщательно продуманы — ему нужно было нередко «сопоставить» два разных духовных мира, чтобы получилась цепная реакция самообнаружения героев.

Вообще, установившееся в некоторых читательских кругах мнение о том, что Достоевский-де «берет содержанием, а не формой», что стиль у него «неряшлив», так как он писал часто наспех, и прочее, — все эти обывательские взгляды, снижающие значение Достоевского как художника, не выдерживают сколько-нибудь строгой критики.

Достоевский не только превосходно владел искусством занимательности. Он придавал прежде всего чрезвычайное значение художественной стороне своих произведений. Известно, что роман «Идиот» переделывался автором чуть ли не семь раз (причем «голова его обратилась в мельницу» — по его собственному гиперболическому признанию,) — и именно ради художественной его отделки и несмотря на сроки, которыми он был стеснен. Вообще, он был мастером своего дела именно как художник.

Нельзя же мерить искусство Достоевского меркой классического русского реализма — меркой Тургенева или Гончарова. Особые глубинные задания, которые ставил себе Достоевский, требовали особых, по существу, фантастических, средств ради осуществления этих заданий.

Верно, что Достоевский писал часто наспех. Однако он никогда почти не давал в печать вещи, недостаточно отделанные им художественно, хотя бы это стоило ему высокого нервного напряжения и бессонных ночей.

Нервный, иногда истерический стиль Достоевского вполне соответствует тому глубинно-напряженному содержанию, которое он хотел выразить. Можно только удивляться тому тонкому искусству, с которым он выполнял свои творческие замыслы, несмотря на то, что он столь часто ставил себя в невозможные положения в смысле сроков сдачи их в печать.

О «неряшливости» стиля Достоевского писали преимущественно неглубокие критики, вроде Скабичевского, которые вообще скользили по поверхности и которые раз навсегда были загипнотизированы реалистическим искусством Тургенева, Гончарова, Писемского и т.д. Достоевский, конечно, также реалист, как художник, но, как он сам говорил, — «реалист в высшем смысле».

Думается, что одно из наиболее удачных определений того жанра, в котором писал Достоевский, было дано не так давно Синявским, который назвал его «фантастическим реализмом» (хотя сам Синявский не относил этого определения прямо к Достоевскому).

Проиллюстрируем теперь некоторые из изложенных выше тезисов.

Если брать второй, глубинно-психологический план романов писателя, то примеров проникновения в самые глубины подсознания героев можно привести сотни. Но особенно запоминаются: